

Своеобразие стиля
«Повести об Азовском осадном сидении
донских казаков»

© Н. В. ТРОФИМОВА,
доктор филологических наук

В статье рассматриваются новые для воинского жанра стилевые явления в «поэтической» повести об Азове, связанные с общелитературными процессами, происходившими в XVII веке, и с личностью автора произведения.

Ключевые слова: воинская повесть, стиль, фольклорная традиция, деловая письменность.

«Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», написанная в 1642 году [1. С. 195; 2. С. 67], завершает историю древнерусской воинской повести. Сохраняя схему построения и некоторые особенности, свойственные предшествующим произведениям этого жанра, она вносит в него новые черты. Они связаны с эпохой создания произведения, а также с личностью и судьбой автора, которым был, по предположению исследователей, один из участников азовского посольства к царю Михаилу Федоровичу, казачий есаул, в прошлом холоп князя Н.И. Одоевского, Федор Иванович Порошин [1. С. 226–227; 2. С. 67]. Будучи знаком с литературными произведениями, казачьим фольклором и деловыми бумагами, он соединил в произведении традиции книжного повествования, народной поэзии и деловой письменности, что было характерно для литературы XVII века в целом.

В кратком вступлении к повести сообщается о времени приезда и составе азовского посольства к царю с «росписью осадному сидению». Эта часть задает всему произведению тон делового документа.

Основная часть повествования начинается с перечисления турецких войск и рассказа об окружении ими города. Далее приводятся послания обеих сторон, предвещающие военные действия. Автор не передавал сведения о ходе осады города по дням, а упомянул о том, что было 24 приступа турок, и подробно рассказал о первых днях осады, а затем дал обобщенную картину событий. Фрагменты, посвященные военным действиям, чередуются с видениями, посланиями турок и казаков, молитвами.

Повествование об осаде Азова отличается целостностью и прагматичностью: в нем нет ни повторов сходных эпизодов, казалось бы, неизбежных в рассказе о длительной осаде города, ни бытовой детализации, характерной для многих произведений эпохи. Размышления о тяжести жизни в осажденном городе Порошин укладывает в одну реплику: «*И от* такова их к себе зла и *ухищренного* промыслу, *от* бессония и *от* тяжких ран своих, и *от* всяких лютых нужд, и *от* духу смрадного труплова отяжели мы все и изнемогли болезнями лютыми осадными» [3. С. 150. Далее в круглых скобках указаны только страницы]. Само появление этого замечания – дань правдивости и детальности изображения, которые в полной мере заявили о себе в литературе XVII века. Сдержанность же и одиночность фрагмента идут от традиции. При кажущейся простоте языка цитированного отрывка в нем заметны следы книжной традиции: ряд однородных членов с яркими определениями, подчеркнутый анафорой, не только передает содержание, но и создает ритм, способствующий эмоциональному воздействию.

Заключительная часть повести рассказывает о том, что просьба посольства, прибывшего к царю Михаилу Федоровичу, – принять Азов под свою руку – не была выполнена, крепость была возвращена туркам. Это сообщение возвращает читателя к началу повести, создавая кольцевую композицию.

Повествователь – часть коллективного героя повести – «донского казачества вольного». Он приводит детальные описания военных действий и создает ощущение единства всех защитников Азова, среди которых не было предателей. Важнейшие мысли, переданные им, – любовь казаков к родине и осознание значения крепости для всей Руси.

В повести нет обычных для жанра индивидуализированных главных героев-предводителей войск, поэтому основное место занимают характеристики двух единых сил – казаков и турок, – которые они дают друг другу и сами себе. Турки в послании сравнивают врагов с парящими орлами, свирепыми львами (141), голодными волками (142) и хвалятся, что, если казаки не сдадутся, они захватят их «яко птицу в рuce свои» (142).

Эти сравнения встречались в воинских повестях и традиционны по типу как сравнения по внутренней сущности. Кроме того, турки применяют к казакам ряд эпитетов, которые в воинской повести в предшествующее время могли относиться только к врагам Руси: «Казачество... свирепое!.. Непостоянные нравы, лукавые! Вы пустынножителем лукавые убицы, разбойницы непощадные!» (141), «воры-разбойники» (142), «воры глупые» (143). Захват Азова казаками они оценивают яркими эпитетами и тавтологией: «И положили вы тем на себя *лютное* имя *звериное*... *согрубя* вы такую *грубость* *лютую*...» (142).

Одновременно турки восхваляют своего царя и силу своего войска: «И кто вас может, злодеи убицы, укрыть или заступить от руки ево такие *силные* и от *великих таких страшных и непобедимых* сил его, царя восточного турецкого?» (142). Огромная сила турецкого войска нарисована с помощью гиперболы: «Не перелетит через силу нашу турецкую никакова птица парящая: от страху людей ево и от множества сил наших валитца вesa с высоты на землю!». И еще один необычный прием применен в речи турок. Они рисуют силу персидского шаха: «славен и силен и многолюден и богат» (143), а затем говорят, что даже он не берется воевать против турецкого царя, подчеркивая тем самым могущество своего повелителя.

Сходным образом противопоставляют врагов себе казаки в послании. Турецкого царя они именуют «собака смрадная... бусурман поганой и скаредной», сравнивают его с «худым свиным наемником» (144), считают, что житье турок «равно з бешеною собакою» (147). Эти обороты носят разговорный характер. Себя казаки называют «казачество великое донское бесстрашное» (144), но говорят о том, что силу противостоять врагам им дает Бог, поэтому они надеются на победу: «Покажет нас Бог за наше смирение христианское перед вами, собаками, аки *лвов яростных*» (144). Противопоставление гордости врагов смирению русских воинов обычно для воинских повестей, но прямое его выражение в речи героев – новое явление.

В посланиях, молитвах и в самом авторском повествовании выражаются чувства и переживания казаков. Рассказав о приходе турецкого войска, автор замечает: «*Страшно* нам добре стало от них в те поры и *трепетно* и *дивно* несказанно на их стройной приход бусурманской было видети» (141). В молитве Иоанну Предтече казаки говорят о своей безмерной усталости от борьбы с врагами, передавая, как это было в народных произведениях, свое состояние через гиперболическое изображение его внешних проявлений: «*Уже* наши ноги под нами подогнулися, и руки наши от обороны уж не служат нам, замертвели. *Уж* от истомы очи наши не глядят, *уж* от беспрестанной стрелбы глаза наши выжгли, в них стреляючи порохом. Язык *уш* наш во устнах наших не воротитца на бусурман закрывают. Таково наше безсилie: не можем в руках своих

никакова оружия держать!» (151). Песенный лад этого и ряда других фрагментов подчеркивается анафорой.

Видения в повести даны и казакам, и врагам, при этом они видят разных святых, описания которых лаконичны и построены на отдельных внешних признаках, чаще всего на изображении одеяний, хорошо знакомых древнерусскому человеку по иконам. Многие казаки во время осады видели: одни Богоматерь – «жену прекрасну и светлолепну», другие Николая Чудотворца – «мужа древна власы, в светлых ризах» (152).

Подготавливают развязку действия в повести видения туркам, поскольку они становятся непосредственным поводом к снятию осады. Сначала врагам явилась туча, надвигающаяся на их табор, а перед ней «идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские» (по всей вероятности, это были первые покровители Руси Борис и Глеб). Ночью турки узрели азовских воевод, выходящих из города, которые, по их словам, «пластали нас и в збруях наших надвое» (153). От этих видений и побежали турки, сняв осаду. В ту же ночь казаки наблюдали, как по турецкому валу ходили «два мужа леты древны. На одном – одежда иерейская, а на другом – власяница мохнатая» (153). Это были святитель Николай и Иоанн Предтеча, сообщившие казакам о бегстве врагов.

Рисуя ход событий, автор по-своему использует традиции воинской повести, в том числе формулы. Эта особенность проявляется в описании прихода турецких сил к Азову. «Все наши *поля чистые* от орды нагайския *изнасеяны*. Где у нас была степь чистая, тут стали у нас однем часом, людьми их многими, *что великия непроходимыя леса темные*» (140) – говорит автор, переосмысливая метафору «битва–посев» и формулу, сопоставляющую огромное войско с лесом (древняя форма «аки борове»). «От силы их турецкие и от уристаня конского *земля у нас под Азовым погнулась* и реки у насъ из Дону вода волны на берегу показала, уступила месть своих, *что в водополи*» (140). Это описание напоминает картину встречи войск в «Сказании о Мамаевом побоище» («великое же то поле Куликово прегигающеся, реки же выступаху из мест своих, яко николи же быти толиким людям на месте том» [4. С. 41]) и одновременно переосмысливает бытовавшее в повестях сравнение войска с морем или разлившейся рекой (подобная картина есть, например, в «Казанской истории»: «И облегоша воя руская град Казань, и бе видети многия силы, аки море волнующися около Казани или вешная великая вода по лугом разлися» [5. С. 127]).

Изображая битву, автор прибегает к нанизыванию образов: «После того у них в полках их почала быть *стрелба мушкетная и пушечная великая*. Как есть стояла над нами *страшная гроза небесная, будто молние, коль страшно гром живет от владыки с небесе*. От стрелбы их той огненной стоял *огнь и дым до неба*, все наши градские крепости

потряслися от стрельбы их огненные, *и солнце померкло во дни том светлое, в кровь обратилось, как есть наступила тма темная*» (140–141). В этом фрагменте повествователь соединил и переосмыслил ряд формул (шум боя как гроза, в бою воины не видят друг друга от огня и дыма) и присоединил к ним редко встречающийся в воинской литературе библейский образ изменения светил (Иоиль 2:31, Мф.24:29, Деян. 2:20, Откр. 6:12-13), дополнив его тавтологическим сочетанием. В то же время дважды использован разговорный оборот *как есть*, придающий описанию сказовый характер.

Обе формулы повторяются затем в рассказе о первом приступе турок к городу почти в тех же выражениях: «Во *огни уже и в дыму* не мочно у нас видети друг друга. На обе стороны лише *огнь да гром* от стрельбы стоял, *огнь да дым* топился до небеси. Как то *есть* стояла *страшная гроза небесная*, коли бывает с небеси *гром страшный* с молнием» (147). В этом описании, в отличие от предыдущего, заметно использование повторов с целью усиления выразительности текста. Отзвук тех же образцов слышен еще в одном фрагменте – описании обстрела города с вала: «И почели с той горы из наряду бить оне по Азову городу день и ночь беспрестанно. От пушек их *страшный громъ* стал, *огнь и дым* топился от них до неба» (149). Эти образы стали для повести «общим местом».

Еще одна воинская формула использована в необычном контексте. Говоря о непрерывных приступах к городу, автор заметил: «А все в *мале дружине* своей уже остались, переменитца некем, ни на единый час отдохнут нам не дадут» (150). Древняя формула летописных повестей использовалась в двух случаях: в сообщении о малых силах при выступлении в поход, либо в момент окончания военных действий.

Первое авторское описание турецких войск необычно своей красочностью, создающейся с помощью сравнений и цветowych эпитетов: знамена у турок «великие, неизреченные, черные», «фитили... у мешкетов их, *что свечи горят*», «И все у них *огенно*, и платье на них... *златоглавое*, на янычанах на всех по збруям их одинакая *красная*, *яко зоря* кажется... А на главах у всех янычаней *пишаки*, *яко звезды* кажутся» (141). Эпитеты и сравнения в приведенном отрывке противоречат традиции. Они связаны с идеей света, в предшествующей литературе ассоциируемой со священной деятельностью русских воинов по защите своей земли и веры. Возможно, что переосмысление этих художественных средств произошло вследствие непосредственного зрительного впечатления: чтобы изобразить реальные детали вооружения и одежды врагов, автор использовал традиционные образы, не придавая значения их символической закрепленности.

Та же красочность свойственна сцене подхода турецкого войска к Азову. В ней используются метафора и сравнение, не встречавшиеся ранее в воинской повести: «*Знамена их зацвели* на поле и *прапоры*, *как есть*

по полю *цветы* многия» (147). Изобразительность в описании войска развивает традицию, заложенную в «Сказании о Мамаевом побоище».

С красочными воинскими описаниями соседствуют документальные фрагменты, чаще всего перечневого характера или приводящие цифровые данные. В начале произведения перечисляется количество войск из разных земель, собранных турецким султаном, дается перечень их вооружений и названы народности, вошедшие в войско. После первого дня боя автор привел сведения о погибших с турецкой стороны: «Убито у них в тот первой день от нас под городом, кроме шти голов их яныческих и дву полковников, одних янычаней дватцать полтретьи тысящи, кроме раненых» (148). В конце, подводя итоги военных действий, автор дал перечисление того, что необходимо для продолжения осадного сидения в Азове: «10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зелия, 10 000 мушкетов, а денег на то на все надобно 221 000 рублей» (154).

Особо нужно отметить использование в повести фольклорной поэтики, элементы которой были подробно проанализированы В.П. Адриановой-Перетц [б. С. 76–84]. Помимо упомянутых нами образов и гипербола, обратим внимание на обилие постоянных эпитетов: *поля чистые, леса темные, море синее, святорусские богатыри, орлы сизые, вороны черные, пресветлый свет, заря светлая, иконы чудотворные, святая Русь, серебро чистое, золото красное*.

В отличие от большинства внелетописных воинских повестей в «Повести об Азовском осадном сидении» редко используются библейские цитаты. Помимо упомянутого образа изменения светил, автор привел неточную цитату, фигурирующую во многих воинских повестях («Не рекут нечестивыи: “Где Бог ваш христиански?”») (Ср.: Пс.78:10) – в речи Богородицы к казакам. Из редких для жанра текстов появилась притча о птицах небесных (Мф. 26:6; Лк.12:24) в послании туркам казаков, применяющих ее к себе. Такое сокращение традиционного средства выражения и подтверждения авторских мыслей объясняется изменением положения повествователя и упрощением стилистики повести в целом.

Значительное место в языковом оформлении повести занимают разговорные обороты. Они особенно заметны в речах казаков, обращенных к туркам. В ответ на речь послов, предлагавших казакам перейти на службу к турецкому султану и восхвалявших его силу, казаки отвечают отказом, утверждая, что они готовы постоять за себя и за Русь: «И то вам, турком, самим ведомо, што с нас по се поры ништо наших зипунов даром не имывал... Не изведет он тем казачья прозвища, не запуститъ Дон головами нашими. На взыскание наше молотцы з Дону все будут. Пашам вашим от них за море идти!» (144). Разговорный порядок слов, повторы проникают и в авторское повествование: «Зачали ж их люди пешие в тот день вести к нам гору высокую, земляной великой вал, выше

многим Азова города. Тою горою высокою хотели нас покрыть в Азове городе своими великими турецкими силами» (148).

Таким образом, привнесение в воинскую повесть новых стилистических влияний привело к изменению соотношения книжной, народно-поэтической, деловой и разговорной лексики, а также системы художественных средств. Меньшую роль играют традиционные воинские формулы и книжно-риторические приемы, большее значение приобретают приемы устного словесного искусства, позволяющие в хорошо известной форме изобразить и оценить персонажей и ход событий.

Литература

1. Робинсон А.Н. Повесть об азовском взятии и осадном сидении // Воинские повести Древней Руси. М.- Л., 1949. С. 166–243.
2. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб., 1998. Ч. 3.
3. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков / Подгот. текста Н.В.Поньрко, комментарии О.В.Творогова // ПЛДР. XVII век. М., 1988. Кн.1. С. 139–154.
4. Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 149–173.
5. Казанская история / Подгот. текста, вступит. статья и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.–Л., 1954.
6. Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974.

*Московский педагогический
государственный университет*